

УДК 333. 160. 2 (471. 327)

ВЫСЕЛЕНИЕ РАСКУЛАЧЕННЫХ КРЕСТЬЯН ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

© В. А. ВЛАСОВ, А. В. ТИШКИНА

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского,
кафедра отечественной истории
e-mail: vlasov.penza@mail.ru

Власов В. А., Тишкина А. В. – Выселение раскулаченных крестьян Пензенского края // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 338–344. – В статье рассматриваются вопросы, связанные с проведением политики коллективизации и раскулачивания в Пензенском крае. Это позволяет на местном материале раскрыть сущность одной из актуальных проблем современной исторической науки. Основное внимание уделяется теории и практике выселения крестьянских семей из пределов края.

Ключевые слова: Отечественная история, XX век, экономическое развитие, коллективизация, раскулачивание, выселение раскулаченных крестьян пензенского края.

Vlasov V. A., Tishkina A. V. – The eviction of the dispossessed kulaks in Penza region // Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. V. G. Belinskogo. 2011. № 23. P. 338–344. – The article deals with the question of the collectivization and dispossession of kulaks in Penza region. It helps to reveal the main point of one of the essential problems of the modern historical science. Much attention is given to the theory and practice of the eviction of kulaks in Penza region.

Key words: Russian history, XX century, economic development, collectivization, dispossession of the kulaks, the forced eviction of the dispossessed kulaks.

Раскулачивание как научная проблема в последнее время пользуется повышенным интересом историков. Это подтверждают многочисленные публикации российских и зарубежных авторов: монографии, статьи в исторической периодике [1]. При этом одной из актуальных проблем в настоящее время является поиск конкретных примеров проведения политики раскулачивания в разных регионах страны. В некоторых областях созданы книги памяти, помогающие не только закрыть «белые пятна» в данной проблеме, но и узнать судьбу конкретных крестьян, пострадавших в период коллективизации [2].

Материалы Государственного архива Пензенской области позволяют решить подобные задачи на местном материале. Этой работой долгие годы занимался доцент ПГПУ им. В. Г. Белинского, кандидат исторических наук Г. Ф. Винокуров [3]. Но завершить свою работу он не успел, списки раскулаченных и выселенных пензенских крестьян не были до конца изучены.

Выселение крестьянских семей из Пензенского края было связано с известными решениями Центра по проведению политики коллективизации и раскулачивания в СССР. Были приняты: постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» [4]; постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 10 января 1930 г. «Об администра-

тивной высылке»; Директива ОГПУ при Совнарком СССР от 18 января 1930 г. № 775, 776 (О предстоящем массовом выселении кулацких семей). Официальное начало раскулачиванию по стране положила директива Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [5]. В документе определялись 3 известные категории кулаков. Следует отметить, что первые признаки нажима на крестьян, именуемых властью «кулаки», появились гораздо раньше упомянутых решений.

Правобережье Средней Волги, куда входили Пензенский и Кузнецкий округа, было отнесено ко 2-й зоне, где коллективизация должна была завершиться осенью 1931 г. или весной 1932 г. Но руководство округов и районный партийно-советский актив решили закончить ее за год.

5 февраля 1930 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах в отношении кулачества». В связи с неподготовленностью Сибири к приему всех выселяемых семей ОГПУ предписывалось растянуть операцию на 3 этапа, скорректировав планы крайкомов, в том числе Средне-Волжского [6]. К 5 февраля приказывалось изъять 3000 человек по краю (из активных антисоветских и террористических элементов). В следующие 10 дней - подготовить к выселению кулацко-белогвардейские элементы. Общее ко-

личество выселенных семей должно было составить 10000 хозяйств. 29 января окружное совещание увеличило эти цифры: общее количество арестованных - до 5 тыс. человек, выселяемых - до 15 тыс. семей.

Для проведения раскулачивания был создан краевой «боевой штаб по раскулачиванию» во главе с секретарем крайкома. Пензенский окружной штаб во главе с секретарем окружкома Д.С. Гуревичем был создан 23 января 1930 г., Кузнецкий – во главе с С.И. Барябиным – 26 января [7]. В состав штабов входили представители ОГПУ, милиции, прокуратуры, начальники гарнизонов. Для Пензенского округа квота выселяемых, не считая контрреволюционных элементов в количестве 800 человек, первоначально составляла 1063 хозяйства, то есть примерно 5,5 тыс. человек; для Кузнецкого – 230 хозяйств.

По числу арестованных кулаков первой категории Пензенский округ занимал одно из ведущих мест в крае. По данным Г. Ф. Винокурова, количество раскулаченных по второй категории районные штабы наметили в 4055 хозяйств, окружной штаб утвердил 2552 хозяйства; по Кузнецкому округу – 830 хозяйств.

В феврале 1930 г. началась отправка раскулаченных крестьян Пензенского и Кузнецкого округов. Для их содержания перед выездом в районы выселения (Северный край, Архангельск, и Казахстан) создавались сборные пункты на станциях Пенза, Кузнецк, Пачелма, Башмаково, Каменка, Чадаевка и др.

Некоторым крестьянам удавалось бежать до выселения, иногда с семьей. Всего за период 1929-1930 гг. по всем районам бежали 265 «кулаков». Большинство из них не были найдены. В некоторых случаях имелись сведения об их местонахождении: районы и города Пензенского и Саратовского края, Средней Азии (Бухара, Душанбе, Самарканд, Ташкент), Закавказья (Баку), Москва, Ленинград, Архангельск, Астрахань, Казань, Челябинск. Как видно, география побегов очень обширна [8]. Для сравнения, всего по стране в весеннюю кампанию по выселению 1930 г. 20433 кулака бежали из мест постоянного жительства, из них 3184 с семьями. Пойманы были 8305 кулаков, из них 652 с семьями. Почти половина задерживалась на транспорте [9].

После выхода в свет специального постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 20 февраля 1931 г. началась новая волна раскулачивания и выселения, в том числе на Средней Волге. Количество выселенных из указанного района составило 17133 семьи из 88876 человек, что в три раза больше, чем в 1930 г. [10]. Следовательно, контрольные цифры постановления ЦК от 30 января 1930 г. (11-14 тыс. семей) были превышены. Тем временем в Казахстане южнее Караганды началось устройство кулацких поселков примерно на 200–300 тысяч семей, в северных районах Западно-Сибирского края – на 40 тысяч. Предполагалось их использование для освоения новых земель, лесоразработок, золотодобычи, железнодорожного строительства. Обслуживание районов вселения кулаков передавалось в ведение ОГПУ [11].

В февральскую операцию 1931 г. по Пензенскому оперативному сектору ОГПУ, охватывавшему

Пензенский и Кузнецкий округа, было изъято по I категории: 876 кулаков, 121 зажиточный, 12 середняков, 271 торговец, 37 служащих, 86 помещиков, 2 жандарма, 111 попов, 84 монашки, 13 бывших белых офицеров, 39 предпринимателей, 66 прочих. Всего 1718 человек, из них лишены избирательных прав – 1289, не лишены – 429 [12].

Из документов следует, что по планам Центра предписывалось выселить 750 семей и процент выполнения составил 108,2 [13]. В этих цифрах просматривается то рвение, которое местные органы проявляли в процессе раскулачивания и выселения.

3 марта 1931 г. в районы поступило секретное письмо за подписью начальника Пензенского оперативного сектора ОГПУ Гладкова, в котором подчеркивалось, что «...выселение кулачества с семьями из пределов Края и нашего сектора есть самая ответственная политическая задача, которую мы должны четко разрешить, по поручению нашей партии». Эта задача возлагалась на местные органы ОГПУ. Предписывалось немедленно на уровне районов приступить к «глубокой агентурной проработке» всех кандидатур, подлежащих выселению с семьями, проводя работу строго секретно.

В документе дополнительно уточнялось, какие категории подлежали выселению. Среди них:

а) крупные кулаки, полупомещики-лишенцы, бывшие владельцы земли и леса, эксплуататоры наемного труда;

б) крупные владельцы предприятий, заводчики, фабриканты, владельцы крупных мельниц, лишенцы, ныне проживающие в селе и занимающиеся сельским хозяйством;

в) арестованные в февральскую операцию кулаки с семьями.

Обращалось внимание, что основные члены семьи намеченных к выселению кулаков должны быть трудоспособными. Строго предписывалось не выселять зажиточных середняков, бывших красноармейцев, партизан или их родственников. Указывалось ориентировочное время выселения – 15-20 марта 1931 г. [14]. Местом выселения являлся Казахстан.

Вскоре от того же адресата в районы поступили дополнительные инструкции, касающиеся тщательной подготовки выселения. В них детально описывался весь процесс выселения. Во-первых, предписывалось организовать бесперебойную связь. Во-вторых, оговаривались правила вывоза крестьян. Выселяемых на лошадях должны были доставлять к железным дорогам, переходами по 40 верст «без кормежки лошадей», учитывая «возможность эксцессов в селах ночевки кулацких обозов». Для этого заранее позаботиться о проверке этих сел, агентуре среди населения и выселяемых. Остановки для кормежки лошадей должны быть короткими, вне сел [15]. Особо следовало избегать населенных пунктов, в которых проходили базары.

Для обеспечения порядка во время выселения, пресечения побегов, сопротивления надлежало организовать вооруженные партийные, комсомольские, батрацко-колхозные дружины. Вооруженным дружин-

никам предписывалось «абсолютно избегать излишнего бряцания оружия». Эти дружины нужно было направлять только в села, отмеченные выступлениями, терактами и тому подобными проявлениями недовольства. Во главе дружин ставились Особоуполномоченные райтройки, несшие персональную ответственность за «всякий бесцельный, панический, ненужный выстрел со стороны дружинников» [16]. В момент объявления кулакам о выселении дружинники должны следить за порядком и не допускать скопления народа вокруг выселяемых. Им помогали милиционеры.

Колхоз или местные единоличники выделяли подводы и кучеров. На каждую из них размещалось 4 человека из числа выселяемых. Их вещи грузились на отдельную подводу в соответствующей упаковке и не более 25 пудов. Топоры, пилы и другой инструмент отбирались немедленно после объявления кулаку о его выселении. Отобранный инструмент находился под охраной в отдельном здании, затем грузится на отдельные подводы, следующие впереди обоза. Кулаки должны быть «как правило, обеспечены теплой одеждой (шуба, валенки и т. д.). Плохо одетые кулаки будут возвращены» [17]. Предписывалось организовать конвой из дружинников из расчета 1 конвоир на 3 подводы. После вывоза кулаков часть дружинников оставалась в селе и «переключалась на ударную массово-разъяснительную работу среди бедноты и колхозников». На всем пути следования обоза необходимо было организовать агентурную сеть для отслеживания настроения среди населения. Обоз до места погрузки сопровождал Уполномоченный райтройки, сдававший «груз» Коменданту пункта. В день погрузки туда прибывал член райтройки со всеми документами.

Также в особом секретном распоряжении ставилась задача во что бы то ни стало выполнить контрольные цифры по выселению. Для этого приказывалось создавать резерв из 20-25 выселяемых семей на случай бегства, болезней; разрешалось использовать для резерва кулаков, изъятых по I категории [18].

14 марта 1931 г. операция по изъятию кулачества по всем районам Пензенского оперсектора была закончена. Под стражей оказалось около 2000 человек «активного контрреволюционного элемента». Многие арестованные не соглашались с обвинениями. На уровне района велись следственные дела, включавшие составление социально-экономической характеристики, опрос свидетелей, организацию очных ставок. Итоговое, чаще всего обвинительное заключение составлялось специально созданной следственной бригадой оперсектора после изучения материалов дела [19].

При этом решающим фактором в судьбе многих семей были контрольные цифры по выселению. То есть, если в результате всей работы кулаков получалось меньше, чем намечено, «недобор» предписывалось ликвидировать в боевом порядке. Например, по Пачелмскому району к выселению было намечено 72 хозяйства, из них в Пензенском оперативном секторе утверждены 35 хозяйств, отклонены – 37. В связи с этим пензенское руководство давало боевое задание: в течение 2-х дней ликвидировать недостаток и пред-

ставить документы еще на 15 кулацких хозяйств [20]. Не случайно больше всего лишенцев появилось в 1930-1931 гг. [21].

С 21 марта началась отправка эшелонов с раскулаченными, комплектовавшихся на концентрационных пунктах при станциях Башмаково, Пачелма, Белинская, Пенза-III, Кузнецк, Лунино, Чаадаевка и др. К 1 апреля из Пензенского оперсектора было отправлено 811 семей (3642 человека: 1057 мужчин, 1244 женщины, 1341 ребенок) [22].

С 20 мая по 15 июня 1931 г. намечалась окончательная ликвидация «кулака как класса» и полная очистка Средне-Волжского края от кулаков. Предполагалось их выселение на Урал. В связи с этим по линии ОГПУ поступила секретная директива за подписью главы ОГПУ по СВК всем секторам немедленно приступить к выселению оставшихся кулаков. Исключением являлись семьи, в которых не было ни одного трудоспособного мужчины. Это было новое требование по сравнению с мартовской операцией, когда необходимо было наличие в семье хотя бы трудоспособной женщины [23]. Кроме того, до июля оставляли в селах семьи кулаков, выселенных в Казахстан в марте 1931 г. В целом выселению и учету подлежали:

а) все кулаки, в том числе раскулаченные в 1930 и 1931 гг., бывшие торговцы, помещики, проживающие в селах вместе с семьями;

б) кулаки, выселенные и намеченные к выселению на запольные участки (видимо, имеется в виду III категория);

в) семьи осужденных и высланных за пределы края кулаков;

г) кулаки, вычищенные из колхозов;

д) кулацкие семьи, главы которых сбежали из сел;

е) кулаки, бежавшие из села или из ссылки и скрывающиеся в городах.

К работе подключались не только районные аппараты ОГПУ, но и сельсоветы, горсоветы, милиция, адресные столы, агентура [24].

30 апреля 1931 г. на места последовал подробный циркуляр Полномочного Представителя ОГПУ Средне-Волжского края Бака «О предстоящем выселении кулачества» [25]. Помимо общих, ранее данных указаний, в нем говорилось о проверке материалов дел арестованных: их имущественного положения, лишения избирательных прав, службы в Красной Армии. При этом оговаривалось, что семьи бывших красноармейцев не выселялись только в том случае, если служившие принимали участие в боях, имели награды или ранения. Если член кулацкой семьи на момент сбора сведений служил в армии, следовало сообщить о его кулацком происхождении, исключить из ее рядов и выселить.

В случае сомнений в правильности собранных в районах сведений, необходимо было направить уполномоченного в конкретное село и на месте разобратся с ситуацией, в том числе при помощи опроса свидетелей. Арестованные, не являющиеся кулаками, подлежали немедленному освобождению. К 10 мая проверку надлежало закончить и телеграфно отчи-

таться в ОГПУ о количестве освобожденных: «доброкачественных столько-то пудов, испортилось столько-то». Например, 11 мая 1931 г. из Пачелмского района была отправлена телеграмма следующего содержания: «доброкачественных пятьдесят пудов, испортилось десять» [26].

Если в их составе оказывались лица, не лишенные избирательных прав, надлежало вынести соответствующие постановления о лишении. Кроме того, все заключенные должны быть подвергнуты медицинскому осмотру и на каждого составлялось заключение о трудоспособности и пригодности к физическому труду. У всех кулацких семей проводилась опись имущества, бралась подписка о невыезде. С собой разрешалось брать двухмесячный запас продовольствия, все остальное передавалось сельсоветам для использования в колхозах. После арестов кулаков местные партийные организации проводили «массовую разъяснительную работу», но без обсуждения конкретных семей на общих собраниях.

К этому времени многие районные органы сообщали о невозможности выполнения ими контрольных цифр по выселению, поэтому циркуляр предписывал начать работу по выявлению «недовыявленных» кулаков, в том числе среди колхозников. В материалах Пензенской избирательной комиссии содержится 734 дела крестьян, которых «вычистили» из колхоза и выселили. По отношению к общему количеству анкет это составляет более 10% [27].

При этом кулацкие семьи, выселенные на так называемые заповольные участки (в пределах районов проживания), направлялись на Урал, как и тылоополченцы из кулаков, работающие на разработках полезных ископаемых, лесозаготовках. Создавался «резерв» из 20-30 кулацких семей на случай невыполнения контрольных цифр и недогрузки вагонов. Надлежало найти бежавших кулаков. Начальникам секторов предоставлялось право дачи дополнительных заданий по выселению кулацких хозяйств. Усиливалась охрана, в Пензе создавался резерв вооруженной силы. Кроме того, организовывались комсомольские бригады для работы среди выселяемых до момента отправки: чтения газет, обеспечения литературой, разъяснений, что все будут работать и жить в нормальных условиях.

Все эти меры должны были способствовать тому, чтобы с территории края выслать не менее 2-х тысяч кулацких хозяйств. Как и в предыдущие операции, выселение не подлежало огласке, в том числе в печати. Как видно из циркуляра, краевые органы ОГПУ использовали все способы, чтобы выполнить задание Центра и выселить как можно больше кулаков. Это приводило к раскулачиванию и выселению середняков и бедняков. Впрочем, подобные явления происходили и в масштабах всей страны. Во многих селах крестьяне заявляли властям, что среди них нет кулаков [28].

В качестве предварительных мероприятий в первых числах мая по всему краю рассылалась условная телеграмма ОГПУ: «майские отпуска разрешены», в течение 2-х дней проводились аресты трудоспособ-

ных мужчин – глав и членов кулацких семей, намеченных к выселению. До момента выселения их семей они содержались под охраной в районных центрах, им разрешались передачи. По окончании арестов следовало донесение в оперсектор с условной телеграммой «отремонтировано плугов столько-то» [29].

Существовал и такой секретный документ, как «Инструкция по массовому выселению кулаков из Средне-Волжского Края» (Самара, 1931)[30], изданная перед мартовской операцией 1931 г. Она содержит пояснения о том, какие семьи должны выселяться, как происходит сам процесс выселения. Из дополнительных сведений, отсутствующих в циркулярах, можно выделить, что не подлежали выселению служители религиозных культов, жандармы, бывшие полицейские, не имеющие кулацких хозяйств, семьи без трудоспособных членов, кулаки из спецпоселков. Могли остаться в селе старики (мужчины не главы семьи старше 60 лет и женщины старше 55 лет), при их желании и при наличии родственников, готовых их взять к себе. Эти же условия распространялись на детей до 14 лет обоюбого пола. Если они все же выселялись, то инструкция предписывала организовать особую охрану детей, чтобы не допустить несчастные случаи, гибель при перевозке и посадке в вагоны. Как правило, детей брали с собой, о чем свидетельствуют повагонные списки выселяемых семей и другие документы. Например, к концу марта 1931 г. из 3642 выселенных крестьян 1341 составляли дети до 17 лет [31].

В каждом районе создавалась опертройка в составе председателя райисполкома (председатель тройки), ответственного секретаря райкома ВКП(б), райуполномоченного ОГПУ. На них ложилась непосредственная работа по подготовке и проведению выселения. В села выезжали представители тройки для выявления кулацких хозяйств совместно с представителями сельсоветов и секретарями ячеек ВКП(б), активом бедноты и колхозниками. На главу выселяемого семейства составлялась социально-экономическая характеристика, представляемая в райтройку. Документы утвержденных к выселению посылались соответствующим начальникам оперсекторов ОГПУ Средне-Волжского края и представителей крайисполкома.

Кроме социально-экономической характеристики на главу семьи (в 3-х экземплярах), на членов семьи составлялся список (в 4-х экземплярах), по которому производилась погрузка в эшелоны. К этим документам прилагалась официальная выписка из постановления сельсовета о выселении, направляемая вместе с выселяемыми. Все документы имели установленную форму, хотя в редких случаях составлялись от руки. В материалах ГАПО хранятся дела Пензенской избирательной комиссии с подобными документами.

Как правило, раскулачивание крестьян Пензенского и Кузнецкого округов производилось на основе списков лишенных избирательных прав. В социально-экономической характеристике, которая заполнялась членами сельсовета и подписывалась председателем, содержались разделы о социальном и имущественном положении, лишении избирательных прав, раскула-

чивании, отчуждении имущества, службе в царской, белой и Красной армиях, участии в выступлениях и терактах, судимости, занятиях торговлей, обложении индивидуальным налогом. Следовательно, эти данные и использовались для решения судьбы крестьянской семьи. В заключительной части анкеты содержался пункт для особых отметок. В некоторых случаях сельсовет отмечал в нем антисоветскую активность, цитаты высказываний крестьянина. Скорее всего, этот пункт на практике имел большее значение, чем имущественные характеристики и мог сыграть решающую роль в итоговом решении [32].

Вот один из примеров составления документов на семью высылаемого кулака-лишенца из села Бакшеевка Пензенского района. На крестьянское хозяйство Садовникова Осипа Родионовича дана социально-экономическая характеристика установленного образца. Она включает возраст (56 лет), национальность (русский), социальное положение (кулак). Время лишения избирательных прав за торговлю лошадьми и скотом, отчуждения имущества за невыполнение хлебозаготовок и, наконец, ареста ОГПУ – 1931 г. Особое место в характеристике занимает таблица о количестве земли и скота. Как и в данном случае, у подавляющего большинства выселяемых «кулацкие» признаки в хозяйстве приходится на дореволюционное время. До 1917 г. Осип Родионович имел 8 десятин земли, 3 лошади, 6 коров, 12 голов мелкого рогатого скота, мельницу, 4-х сезонных рабочих. До 1930 г. владел шерстечесалкой. В 1931 г. у него не осталось ни сельхозпредприятий, ни скота. Следующий необходимый документ – выписка из решения сельского совета о выселении из пределов Средне-Волжского края с семьей из 2-х человек: женой 54-х лет и дочерью 16-ти лет. Пензенский РИК подтвердил решение о выселении «за проведение антисоветской работы, тормозящей хозяйственно-политические кампании на селе, о чем есть соответствующее заключение [33]. Подобные документы должны были составляться на каждое хозяйство выселяемых крестьян.

На сборы семьям давалось не более 24-х часов под присмотром милиционера и сельского исполнителя. Если выселяемые сопротивлялись, оскорбляли представителей власти, наносили побои, совершали теракты, поджоги своего имущества, надлежало составить акт и передать дело судебным органам. Организация массовых выступлений, создание группировок, открытые призывы к восстанию, поджоги имущества общественных и советских работников села расценивались как контрреволюционная деятельность и попадали в сферу деятельности ОГПУ.

Имущество, которое разрешалось брать с собой (не более 25 пудов на семью) – продукты на 2 месяца, одежда и обувь, предметы обихода, орудия производства, деньги до 500 рублей. Багаж запаковывался в рогожу или мешок, на них химическим карандашом или краской писали адрес, фамилию, имя, отчество. К примеру, в состав багажа кулацких семей из 103 человек, направляемых к главам семьи, ранее высланным на Жигулевские известняковые заводы в Шири-

во Средне-Волжского края, входили: 10 мешков муки, 7 пил, 14 топоров, 7 лопат [34].

Сборные пункты организовывались у станций посадки на железной дороге. Для этого использовались сборные пункты военкоматов, лагеря воинских частей и другие соответствующие объекты. Из числа сотрудников ОГПУ назначался комендант и два помощника, следившие за состоянием пункта и содержанием выселяемых семейств. В их ведение входили: охрана, медицинское обслуживание, учет, пресечение волнений, бесперебойная связь с оперсектором, вербовка осведомителя (из расчета 1 осведомитель на 30-50 человек выселяемых). Комендант сборного пункта передавал «груз» партиями для отправки коменданту эшелона и работникам ОГПУ железной дороги.

В один вагон грузили по 40 человек под охраной и в сопровождении представителей ОГПУ. Снабжение в дороге кипятком, продуктами и медицинской помощью также входило в обязанности этих органов.

На время выселения устанавливался особый порядок связи между районами, оперсекторами и Полномочным Представителем ОГПУ: внеочередные экстренные донесения по телеграфу или прямому проводу, регулярные пятидневные сводки о ходе выселения, количестве отправленных. При этом предприятия связи на этот период переводились на круглосуточную работу.

Интересно, что по окончании выселения кулацких хозяйств экземпляр инструкции, поступивший в район, высылался обратно в адрес Орготдела Полномочного Представителя ОГПУ Средне-Волжского края. Но, как видно из документов Пачелмского района, не все секретные документы были надлежащим образом возвращены.

Ценные сведения можно почерпнуть из актов медицинских осмотров «кулаков». Например, 21 марта 1931 г. врач города Пензы констатировал, что различных заболеваний у выселяемых не оказалось. В то же время в заключении указываются крестьяне с различными болезнями: туберкулезом костей, желтухой, конъюнктивитом, катаром желудка, ушибом, гнойным заболеванием наружного века. Итого на 14 вагонов приходилось 11 больных, из них двоим требовалось медицинское наблюдение в пути. Всем дано заключение, что в путь следовать могут. Интересно, что в документах указанного дела есть секретный список осведомителей из числа выселяемых, а среди больных – 3 их родственника. Думается, это не случайное совпадение. Возможно, люди соглашались стать осведомителями, рассчитывая на медицинскую помощь себе либо родным. Особый случай, зафиксированный в акте – женщина на 5-е сутки после родов вместе с ребенком. Врач указал, что она может следовать в путь, хотя и под медицинским наблюдением [35]. Таким образом, передвижение к месту выселения становилось тяжким испытанием.

В октябре 1931 г. выселение из районов сплошной коллективизации было закончено. Всего за период с 1 января по 2 октября 1931 г. из Пензенского оперсектора было выселено 11763 человека, в том числе 2963 главы семьи и 8800 членов семей [36].

Конец 1931 г. считался и временем завершения сплошной коллективизации на Средней Волге. Итоговые цифры коллективизации на 1 октября 1931 г. – 81,2%, в том числе по правому берегу – 73, по левому – 96,2. В Пензенском крае к 1935 г. было коллективизировано 76,3% хозяйств [37]. На 1930-1931 годы приходится и пик выселения. Хотя в материалах фонда Пензенской избирательной комиссии встречаются случаи выселения в период 1932-1934 гг. То есть, эта мера воздействия на крестьян использовалась государством и после окончания коллективизации в районах Пензенского края.

Подведем итоги. Выселение крестьянских семей из Пензенского края было тесно связано с подстегиванием коллективизации. Оно проводилось в первой половине 1930-х годов, хотя его пик приходился на 1930-1931 гг. Документы свидетельствуют о жестких условиях, в которых оказывались выселяемые крестьянские семьи. Одним из итогов подобной политики стало завершение коллективизации как в Пензенском крае, так и на Средней Волге.

Благодарности: статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № П567 «Раскулачивание крестьянских хозяйств (на примере Пензенского края)»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

- Бердинских В.А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. Киров, 2003; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933 (пер. с англ.). М.: РОССПЭН, 2008; Грегори П. Политическая экономия сталинизма (пер. с англ.). М., 2008; Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. №5; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М.: Наука, 2005; Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004; Милосердов В.В. Многострадальная судьба российского крестьянства. Екатеринбург, 2009; Надькин Т.Д. Деревня Мордовии в 1932-1933 годах: хлебозаготовки, голод и репрессии // Отечественная история. 2006. №4; Раков А.А. Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования по материалам Южного Урала) // Российская история. 2009. №5; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936): Сб. док. Екатеринбург: Наука, Уральская изд. фирма, 1993; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939. Т. 3. М., 2003; Спецпереселенцы в Западной Сибири, весна 1931-начало 1933 гг.: Сб. док. Новосибирск, 1993; Тимошечкина Е.М. Присвоение имущества раскулаченных в Центрально-Черноземной области в 1929-1930 гг. // Вопросы истории. 2010. № 1; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: 1927-1939. Документы и материалы: В 5-ти томах. М., 1999-2001; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня (пер. с англ.). 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008; Шашков В.Я. Раскулаченные в СССР и судьбы спецпереселенцев, 1930-1954 гг. Мурманск: МГПИ, 1996.
- Лишенцы: книга памяти жертв политических репрессий 1920-1930 гг. / Сост. протоиерей Алексей Сухих. Киров, 2005; Книга памяти жертв политических репрессий Ульяновской области / Сост. и ред.: Ю.М. Золотова. Ульяновск, 2001.
- Винокуров Г.Ф. Боевые штабы по раскулачиванию // Страницы истории Отечества: Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1996; Винокуров Г.Ф. К вопросу сокращения сельского населения на рубеже 20-30-х гг. Переписка писателя Ф.В. Гладкова как исторический источник // Новые страницы истории Отечества. Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1992; Винокуров Г.Ф. Коллективизация в СССР: цели, средства, результаты // История Отечества IX – XX вв. Учебное пособие. Пенза, 1998; Винокуров Г.Ф. Коллективизация; Ликвидация кулачества (раскулачивание) // Пензенская энциклопедия. М.: БРЭ, 2001; Винокуров Г.Ф. Накануне «Великого перелома»; Загон; Коллективизация: репрессии в пензенских селах в 1928 – 1933 гг.; Черная книга: Материалы пензенской комиссии по лишению избирательных прав (раскулачиванию); Голод по плану // НГ – МЛ. 1999. № 41, 44, 26, 45-48; 2002, № 33; Винокуров Г.Ф. Раскулачивание и депортация пензенских крестьян в 1931 г. // Пензенское краеведение: опыт и перспективы развития. Материалы областной научной конференции. Пенза, 2005; Винокуров Г.Ф. Сопротивление крестьян насильственной коллективизации и раскулачиванию в пензенской деревне в 1930 г. // Революция и общество. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2007; Винокуров Г.Ф. Социально-экономические характеристики раскулаченных крестьян – ценный источник по изучению пензенской деревни первой трети XX в. // Дела и люди. Материалы межвузовской научной конференции. Пенза, 2002; Винокуров Г.Ф. Столыпинский мужик – отец красного командира. История одного расследования // Краеведение. Пенза, 1998; Винокуров Г.Ф., Шарин Д.В. Судьбы крестьянской интеллигенции в период коллективизации // Культура и власть. III Всероссийская научно-практическая конференция. Пенза, 2005.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.5. М., 1984. С. 72–74.
- Трагедия советской деревни... Т. 2. М., 2000. С. 126–130.
- Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. М., 2004. Т.2. С. 220.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 108. Д. 580. Л. 49.
- Там же. Л. 67–76.
- Трагедия советской деревни ...Т. 2. С. 420–421.
- Ивницкий Н. А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928 – 1933) / РАН ИРИ. М., 2000. С. 169.
- Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД ... С. 264-266.
- Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-889. Оп. 1. Д. 6635. Л. 26.
- Там же. Л. 28.
- Там же. Д. 6642. Л.1-1об.
- Там же. Л. 3.

16. Там же. Л. 4.
17. Там же. Л. 5.
18. Там же. Л. 6.
19. Там же. Л. 8.
20. Там же. Л. 9.
21. Там же. Л. 17.
22. Там же. Д. 6635. Л. 26.
23. Там же. Д. 6642. Л. 18.
24. Там же. Л. 10-11.
25. Там же. Л. 19-22.
26. Там же. Л. 25.
27. Там же. ДД. 1-6611.
28. Тимошечкина Е. М. «У нас нет кулаков!»: крестьянство и политика «раскулачивания» в локальном измерении // Российская история. 2010. № 2.
29. ГАПО. Ф. р-889. Оп. 1. Д. 6642. Л. 20.
30. Там же. ЛЛ. 31-40.
31. Там же. Д. 6636. Л. 72, Д. 6635. Л.28.
32. Там же. ДД. 1-6611.
33. Там же. Д. 4887. ЛЛ. 1-4.
34. Там же. Д. 6636. Л. 160.
35. Там же. Л. 124
36. Там же. Л.143.
37. Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 244.